

К этому времени его привычки уже вернулись, и когда он вставал ночью попить воды, то послушно открывал рот и глотал.

Думая о Линь Ци, Ся Чэньчжоу невольно захотел его найти.

Только встав на ноги, он остановился, увидев фигуру на сцене.

Женщина с чёрными длинными волосами, рассыпавшимися по спине, время от времени откидывала их, обнажая обширный участок кожи на спине. В туфлях на высоком каблуке она была почти метр восемьдесят, а её длинные ноги в чёрных чулках выглядели ещё более соблазнительно.

Танец был откровенным, и она танцевала старательно, каждое движение стараясь сделать таким же, как у других, что лишало его некоторой естественности.

Ся Чэньчжоу посмотрел немного, затем встал и направился за кулисы.

— Никого нет, и чаевых стало намного меньше.

— Да, каникулы, кто сейчас будет ходить по барам? Эй, Чжоу, давай потом поужинаем!

— Не боишься растолстеть, девчонка? Эй, Амо, пойдём с нами.

Женский смех становился всё ближе. Дверь открылась, и Ся Чэньчжоу улыбнулся:

— Добрый вечер, дамы, я ваш новый босс.

Скоро Новый год.

Ся Чэньчжоу тоже уехал.

Его родители были за границей, и на каникулы его, естественно, обязали вернуться домой. Несколько дней он провёл с Линь Ци, а затем снова улетел.

— Сяо Ци, собирайся, пора идти.

Дядя Юн постучал в дверь снаружи.

Я отозвался и положил свитер Ся Чэньчжоу в сумку.

Близился Новый год, и в деревне царил оживление.

Дети бегали по холмам с петардами, подбрасывали их под колёса мотоциклов, пугая водителей до резких поворотов.

У меня не было энергии возиться с детьми, поэтому, приехав в родную деревню, я почти не выходил из комнаты, кроме как для еды.

Даже если я пытался взяться за какую-то работу, мама Дяди Юна отбирала её у меня.

Дядя Юн описывал меня перед семьёй как второго Ся Чэньчжоу.

Хорошие оценки, воспитанный, не доставляет хлопот.

Слушая это, я сам краснел.

— Сегодня канун Нового года, Сяо Ци, примерь одежду на кровати, посмотри, подходит ли она,
— сказала мама Дяди Юна.

Я замешкался, не зная, что делать, и посмотрел на Дядю Юна.

Его глаза были красными, и он похлопал меня по плечу:

— Бабушка сшила её для тебя, не отказывайся.

Я повернулся и тихо сказал:

— Спасибо, бабушка.

Бабушка, которая накрывала на стол, отвернулась и что-то вытерла.

Свитер на кровати был очень аккуратно сшит, приятный на ощупь, из хорошего материала.

На его создание ушло не меньше десяти дней.

Впервые я назвал её бабушкой, и это было немного неловко.

После фейерверков Дядя Юн велел мне идти спать. Бодрствовать всю ночь — дело взрослых, детям нужно хорошо отдыхать.

Я только заснул, как Дядя Юн открыл дверь. Я сонно открыл глаза и взял то, что он мне протянул.

— Эй, с Новым годом, малыш.

Я вздрогнул и проснулся. Дядя Юн погладил меня по голове и закрыл дверь.

Человек на другом конце провода казался уставшим, долго говорил, но я не слушал.

Когда он замолчал, я хрипло спросил:

— Когда вернёшься?

Ся Чэньчжоу рассмеялся, перевернулся на кровати, обнял одеяло, как будто это был Линь Ци, а ссора на первом этаже не прекращалась.

Завтра нужно поменять дверь, звукоизоляция слишком плохая.

— Соскучился?

Я промолчал, и Ся Чэньчжоу рассмеялся ещё сильнее.

Наконец я сказал:

— Соскучился.

Смех Ся Чэньчжоу замер на лице, и он нарочито злобно произнёс:

— Я сейчас хочу тебя трахнуть.

Хотел прижать его голову, контролировать его конечности.

Хотел войти в его тело.

Хотел согреть его.

Внезапно раздался звон разбитого стекла. Ся Чэньчжоу заколебался, надел футболку с кровати и сказал в трубку:

— Подожди немного, малыш...

Выйдя за дверь, он увидел свою мать, которая смотрела на него в панике, её лицо было смертельно бледным.

Человек, которого он называл отцом, лежал среди осколков стекла, угол журнального столика тоже был разбит.

Ся Чэньчжоу без выражения лица взял телефон и, стараясь контролировать ледяной тон, сказал:

— У тебя, наверное, уже второй час ночи, ложись спать. Я позвоню тебе завтра?

Закончив разговор, он набрал 911. Мать Ся Чэньчжоу подошла и ударила его по лицу:

— Ты хочешь, чтобы я села в тюрьму?!

Ся Чэньчжоу наклонил голову и сказал:

— А что, ты хочешь убить меня?

Мать содрогнулась, села, потерянная.

Новостей от Ся Чэньчжоу не было.

Он обещал позвонить на следующий день, но телефон Дяди Юна молчал до самого утра.

Когда я получил известия от Ся Чэньчжоу, уже прошёл месяц с начала учебного года.

Я думал, что меня снова бросили.

Хорошо... Хорошо...

Кажется, это первый раз, когда я пришёл в дом Ся Чэньчжоу.

Я думал, что он живёт как типичный богач, с кричащими хрустальными люстрами, от которых болят глаза.

Но оказалось, что его жильё ничем не отличается от других — маленькая квартира.

Две комнаты и гостиная, всё аккуратно убрано.

Ся Чэньчжоу не до конца побрился. Я толкнул его на диван, сел на него верхом, взял бритву, смочил её водой и осторожно начал брить его.

Его глаза были уставшими, а рука мягко гладила мой бок.

— Не дёргайся, а то я случайно перережу тебе горло, — я пригрозил, постучав лезвием по его шее.

Ся Чэньчжоу усмехнулся, его кадык сдвинулся, и он сказал:

— Умереть от твоей руки — это даже приятно.

Не знаю, как мы оказались в кровати, но когда я проснулся, мы уже спали какое-то время.

Я сбросил одеяло, и моё обнажённое тело покрылось мурашками от холода.

Я накинул на себя одежду Ся Чэньчжоу, прикрывая бёдра.

Ся Чэньчжоу спал крепко, услышав шум, он только уткнулся лицом в одеяло, оставив снаружи растрёпанные волосы.

Я потянул одеяло вниз, чтобы он не укрывался с головой, и услышал звонок в дверь.

Не обращая внимания на свой небрежный вид, я босиком прошёлся по ковру, медленно докурив сигарету и открыл дверь.

Су Жуй и Цуй Хуа за дверью смотрели на меня, их глаза готовы были выскочить из орбит.

Для меня взгляды других людей, кроме тех, кто мне дорог, становились всё менее важными.

Наверное, следы на моём теле были слишком заметны.

Этот волчонок кусал везде, где только мог.

Увидев, что они молчат, я не стал утруждать себя разговором.

Когда я вышел из кухни, они уже сидели на диване, погружённые в свои мысли.

Су Жуй был в шоке, а Цуй Хуа в ярости.

В холодильнике действительно ничего не было.

Я вздохнул. В следующий раз попрошу Дядю Юна принести пельменей или вареников.

Вернувшись в гостиную, я увидел, что они смотрят на меня, но не стал обращать внимания, как будто был невидимкой, закурил и сел рядом.

— Ты знаешь, почему Чэньчжоу вернулся так поздно?

Не знаю, он не сказал.

— Ты ничего не знаешь, как ты можешь здесь оставаться? Что он для тебя значит?

Какое тебе дело?

— Ты так нуждаешься в этом, что унижаешься и умоляешь?

Это ошибка, Ся Чэньчжоу ещё не трахнул меня.

Цуй Хуа долго говорил, но я продолжал курить, не реагируя. Он начал злиться.

Су Жуй остановил его, не давая действовать, и сказал:

— Чэньчжоу ещё не встал? Нам нужно поговорить с ним.

Я потушил сигарету и спросил:

— Что случилось?

— Ты! — Цуй Хуа возмутился моим спокойствием. Если бы не Су Жуй, он бы уже ударил меня.

Цуй Хуа был в ярости:

— Ты знаешь, что отец Чэньчжоу умер? Он был за границей один, ты хоть раз позвонил ему? Ты вообще его любишь? Если тебе нужны только деньги, я дам тебе их, только оставь его в покое!

Я отвернулся и рассмеялся, смеялся долго, затем выпрямился и сказал:

— Ты слишком много смотришь дорам. Ты как мать Ся Чэньчжоу, готовая платить мне, чтобы я оставил твоего сына в покое. Ха-ха-ха.

Лицо Цуй Хуа покрылось краской.

— Ся Чэньчжоу — мужчина, — я перестал улыбаться и сказал:

— Ты спрашиваешь, что он для меня значит, а что он для тебя? Женщина, которая только плачет при малейшей трудности? Он может сам справиться, и я тоже. Если он нуждается в чём-то, я дам ему это. Если он ничего не просит, я буду рядом. Что здесь не так?

Су Жуй молчал, потянул Цуй Хуа за руку, и атмосфера снова накалилась.

[Глава заблокирована]

Су Жуй, которого Ся Чэньчжоу отправил в квартал красных фонарей, был в ярости.

Чэньчжоу, должно быть, не знал, что он связался с наркотиками. Как Линь Ци узнал об этом?

Кто он такой на самом деле?

Су Жуй нервно дёрнул за косичку на затылке, а женщина рядом тихо засмеялась, взяла его руку и сказала:

— Давай я помогу.

<http://bllate.org/book/15276/1348589>